

5. Leonov E. E. Istoricheskiy aspekt pojavlenija i razvitija shkol'nyh muzeev v Rossii: periodizacija, problemy, osobennosti raboty // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij. – 2011. – № 17, ch. 2. – S. 39–49.
6. Leonov E. E., Tarakanov A. V. Osobennosti metodiki provedenija jekskursij // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij. – 2012. – № 21. – S. 64–74.
7. Letopis' oblastnoj stancii junyh turistov i obshhestva junyh kraevedov-puteshestvennikov «Kuzbass» so dnja ego obrazovanija (Kemerovo). – 72 s.
8. Muzej i shkola: posob. dlja uchitelja / E. G. Vanslova, A. K. Lomunova, Je. A. Pavljuchenko i dr.; sost. Je. A. Pavljuchenko; pod obshch. red. T. A. Kudrinoj. – M., 1985. – 224 s.
9. Otchjot Departamenta obrazovanija i nauki Kemerovskoj oblasti o sostojanii seti shkol'nyh muzeev Kemerovskoj oblasti za 2010 g. – Kemerovo, 2011. – S. 1–35.
10. Otchjot upravlenija obrazovanija g. Kemerovo o sostojanii seti shkol'nyh muzeev g. Kemerovo za 2009–2010 uchebnyj god. – Kemerovo, 2011. – S. 1–30.
11. Oчерki istorii muzejnogo dela v Rossii. – M., 1960. – 166 s.
12. Polozhenie o shkol'nom muzee // Prepodavanie istorii v shkole. – M., 1975. – № 2. – S. 12–14.
13. Svod muzeev obrazovatel'nyh uchrezhdenij Kemerovskoj oblasti 2010–2011 ucheb. god. – Kemerovo: OCDJUTJE, 2011. – 60 s.
14. Tumanov, V. E. Shkol'nyj muzej: metod. posobie. – M., 2002.
15. Shkol'noe muzeevedenie: metod. mat-ly v pomoshh' rukovoditeljam shkol'nyh muzeev / avt.-sost. V. S. Gorbunov; pod red. N. A. Chernovoj. – Kemerovo: MOU DPO «NMC», 2004. – I ch. – 164 s.
16. Shkol'nye muzei g. Kemerovo: Putevoditel'. – Jurga, 2008. – 152 s.
17. Jahno Ju. B. Shkol'nyj muzej kak sostavljajushhaja otkrytogo obrazovatel'nogo prostranstva [Jelektronnyj resurs] // Informacionnyj portal konferencij, 20.01.2008. – Reshim dostupa: <http://www.den-zadnem.ru/page.php/article=53> (data obrashhenija: 20.03.2009).

УДК 008

И. И. Горлова, Т. В. Коваленко

ДУХОВНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ПРИКЛАДНЫЕ ЗАДАЧИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье проанализированы проблемы духовного неравенства в контексте прикладных задач культурной политики, измерение которого возможно через сочетание статистических и социологических количественных методов.

Теория и практика культурной политики, определяющей состояние системы культуры в обществе, является действенным механизмом решения проблемы духовного неравенства, которое, наряду с неравенством материальным, представляется одной из наиболее актуальных проблем текущего социокультурного развития. Современный уровень культурологических исследований эмпирического порядка позволяет измерять и диагностировать проблему неравенства с использованием единообразных индексов, отражающих гносеологический, творческий, аксиологический, коммуникативный и эстетический потенциалы человека, получившие общее название «социально-нравственный потенциал личности».

Последнее стало концептуальным основанием исследования 5 регионов Российской Федерации, проведенного сотрудниками Государственного института искусствознания в 90-х годах XX века. Приведенный в настоящей статье анализ сведений респондентов – 679 жителей городов Юга Рос-

сии – выявил достаточно высокий уровень духовного неравенства (коэффициент Джини составляет около 0,34). Таким образом, планирование культурной политики, как на федеральном, так и на региональном уровне, следует осуществлять с учетом этого обстоятельства, концентрируя усилия в конкретных проблемных зонах.

Авторами обоснованы необходимость «мониторинга» регионального развития духовной жизни, который может стать основой для выработки стратегий современной культурной политики и ее региональных инвариантов. Логически дедуцированные в рамках программно-целевого подхода, сформулированные задачи культурной политики могут стать основой для целого ряда конкретных эмпирических исследований: социологических, психологических и культурологических, увеличивая таким образом результативность самой культурной политики, как целенаправленной деятельности.

Ключевые слова: культура, культурная политика, неравенство, духовное развитие, социально-нравственный потенциал, регион, индекс, количественные методы, мониторинг, система, программно-целевой подход.

I. I. Gorlova, T. V. Kovalenko

SPIRITUAL INEQUALITY AND APPLICATION OF CULTURAL POLICY OBJECTIVES

The paper analyzes the problem of inequality in the context of the spiritual applications of cultural policy, measurement of which is possible through the combination of statistical and sociological quantitative methods.

Theory and practice of cultural policy, which determines the state of the system of culture in society, is an effective mechanism for addressing the problem of spiritual inequality, which together with the inequality of material, it is one of the most pressing problems of the current socio-cultural development. The present level of cultural studies empirical order, allows you to measure and diagnose the problem of inequality with uniform indices reflecting epistemological, creative, axiological, communicative and aesthetic potential of a person, known as the “social and moral potential of the individual.”

The last was the conceptual basis of the study of 5 regions of the Russian Federation, conducted by the State Institute of Art in the 90 years of the twentieth century. It is shown in this paper, the analysis of information respondents, 679 inhabitants of the cities of the South of Russia, has revealed a high level of spiritual inequality (Gini coefficient of about 0.34.) Thus, the planning of cultural policy, that the federal and regional level, should be considered with this in mind, concentrating efforts in specific problem areas.

The authors justified the need for “monitoring” the regional development of the spiritual life, which can be the basis for developing strategies of contemporary cultural policy and its regional invariants. Logically deduced within the framework of program-oriented approach to formulate the problem of cultural policy can become the basis for a number of specific empirical research: sociological, psychological and cultural, thus increasing the effectiveness of the most cultural policy as a purposeful activity.

Keywords: culture, cultural policy, inequality, spiritual development, social and moral potential, region, zipcode, quantitative methods, monitoring, system, target-oriented approach.

Культурная политика является существенным явлением в жизни любого современного общества, являясь мощным рычагом влияния на общественное мнение, управления социальными процессами и состоянием общества вообще, необходимым условием эффективного руководства жизнью социума. Теоретические и прикладные исследования культурной политики способствуют установлению формальных границ творческой деятельности, ее направлений и приоритетов. Именно культурная политика определяет степень влияния различных субъектов культурной жизни общества на процессы, происходящие в этой сфере, она же во многом влияет на взаимоотношения участников культурного процесса. Культурная политика обеспечивает

преемственность культурного развития, исключает революционные сломы традиций, норм культуры, нравственности; учет многосубъектности и многообъектности культурного процесса при регулирующей роли государства, стремление к согласованию интересов, культурной самобытности народов страны в рамках единого культурного пространства; содействие принципам демократии и открытости, при которых достигается общедоступность культурных ценностей и благ, ликвидируется дискриминация граждан в отношении культуры на почве социального происхождения, места проживания, гарантируется право гражданина на пользование национальной духовной сокровищницей, формировавшейся в течение веков; реализацию принципа соблюдения государством правовых, экономических гарантий в сфере культуры, в том числе многоканальности ее финансирования, а также принципа единого культурного пространства, предполагающего единство и многообразие федеральных, региональных, муниципальных программ социокультурного развития, согласованность интереса центра и провинций. В конечном итоге именно культурная политика в большой степени определяет состояние всей сферы культуры в данном обществе [1].

Происходящие в современной России изменения социального и институционального порядка актуализировали обращение научного сообщества к проблеме неравенства. Однако чаще всего ее рассматривают в аспекте материальном, экономическом, реже социальном. Заметим, что материальное неравенство уже давно стало объектом пристального внимания экономистов, социологов, политологов и др. – по многим причинам, в том числе и из-за возможной опасности социальных катаклизмов (каковые часто провоцируются сложившимся в обществе слишком большим разрывом между бедными и богатыми). Измерения материального неравенства, характеризующего население, не сталкиваются с какими-либо методическими трудностями – обычно они проводятся на основании данных (статистических либо социологических) о доходах населения [7].

Но не менее важной, а в некотором контексте даже более важной, представляется проблема духовного неравенства, которое само по себе является очевидным, но трудно измеримым. Ученые отмечают, что с конца 80-х годов XX века в российском обществе началось резкое снижение ценностей духовной культуры. Результаты комплексных социальных исследований свидетельствуют, например, о том, что «...ценности познания, искусства, творчества не имеют высокого престижа даже среди студентов». Налицо отчуждение широких масс молодежи от ценностей мировой и отечественной культуры. Общий упадок культуры признают около 85 % молодых людей, а среди творческой молодежи – 96 % [2, с. 15]. Это, вне всякого сомнения, следствия процесса расслоения общества, но уже не по материальному, а по духовному принципу.

Таким образом, изучение проблем *духовного неравенства* в дискурсе современности носит ярко выраженный актуальный характер, если рассматривать их через призму процессов, происходящих в последнее десятилетие в нашей стране. Нынешний период истории России характеризуется резкой сменой направления ее развития. В сфере культурной жизни это выразилось в серьезной трансформации всей системы норм и ценностей.

К решению задач преодоления неравенства, так или иначе, должна быть привлечена культурная политика, координирующая усилия всех институтов по социализации и инкультурации человека, поскольку ее основная цель – трансформация норм и стандартов социальной адекватности людей в образы и образцы социальной престижности; пропаганда норм социальной адекватности как наиболее престижных форм социального бытия, как кратчайшего и наибо-

лее надежного пути к социальным благам и высокому общественному статусу, как отмечает А. Я. Флиер [8, с. 19].

Исходной теоретической задачей здесь выступает проблема определения равномерности последствий «культурного» потребления. То есть для оказания целевой финансовой или организационной поддержки культурному развитию тех или иных территорий и регионов необходимо сопоставлять их развитость в культурном отношении или выявлять степень духовного неравенства.

Это наиболее сложная прикладная задача культурной политики может быть решена при помощи *единообразных индексов*, позволяющих оценивать развитость в культурном отношении различных объектов: территорий, национальных, этнических и субкультурных групп населения. При этом можно опираться на результаты отраслевых статистических наблюдений, характеризующих деятельность учреждений культуры или на результаты социологических опросов, характеризующих культурное развитие населения. Вообще же наиболее продуктивным способом выступает контаминация двух видов первичных индикаторов, как статистических, так и социологических [4, с. 92].

В отечественной гуманитарной традиции был разработан специальный социологический инструментарий, позволяющий *количественно измерять* степень освоения человеком той или иной системы – будь то система социальных норм и правил, система искусства или другая [6; 5]. При этом измерения осуществляются в так называемой «шкале отношений» (то есть выражаются в числовой форме), а получаемые результаты не зависят от произвола исследователя, который составляет социологическую анкету (так как результаты инвариантны относительно тех конкретных вопросов, которые включены в анкету, – лишь бы вопросы эти хотя бы косвенно отражали освоение респондентом данной системы). Последняя особенность данного метода делает перспективным его применение в кросс-культурных исследованиях – для сопоставления различных культурных регионов (стран) по тому, насколько равномерно их население приобщено к системе культуры, социальным нормам и т. п. [3].

В качестве примера измерений, проведенных с использованием данного метода, приведем социологическое исследование, осуществленное Государственным институтом искусствознания в 1993–94 годах, охватившее 20 городов и 18 сел пяти регионов Российской Федерации. Всего было опрошено 6000 человек, представлявших городское и сельское население каждого региона в возрасте от 10 лет и старше (подробнее см. [10]). В анкету данного исследования были включены вопросы, касающиеся различных характеристик респондентов – развитости их основных личностных потенциалов: гносеологического, творческого, аксиологического, коммуникативного и эстетического. Затем была использована комбинация всех этих потенциалов, которая была названа *социально-нравственным потенциалом* человека. Вычисление значения этого потенциала для каждого респондента основывалось на 79 вопросах, относящихся к весьма различным аспектам духовного мира личности (см. также [6, с. 374–375]):

- 3 индикатора отражали факторы, обуславливающие привлекательность трудовой деятельности для данного индивида;
- 2 индикатора были связаны с активностью индивида во время конфликтных ситуаций в коллективе, в котором он работает или живет;
- 7 индикаторов отражали трудовые успехи респондента;
- 2 индикатора были посвящены участию индивида в общественной жизни;
- 2 индикатора отражали коммуникативность индивида при преодолении сложных жизненных ситуаций;

- 2 индикатора касались отношения индивида к ценностям семейной жизни;
- 1 индикатор описывал отношение индивида к свободному времени;
- 16 индикаторов свидетельствовали о реально предпочитаемых индивидом формах проведения досуга;
- 4 индикатора характеризовали представления индивида о хорошо сложившейся жизни;
- 3 индикатора были посвящены представлениям индивида о путях выхода страны из кризиса;
- 2 индикатора имели дело с представлениями индивида об идеале дальнейшего развития страны;
- 30 индикаторов отражали информированность индивида в сфере искусства, науки и политики;
- 5 индикаторами характеризовался художественный вкус индивида в области различных видов искусства (кино, литературы, музыки, театра, изобразительного искусства).

Каждый индикатор мог принимать либо положительное, либо отрицательное значение (то есть фиксировался в дихотомической форме: 0 либо 1). После агрегирования информации по всем респондентам были построены распределения населения (отдельно для городских жителей и для сельских) по степени духовного развития: доля населения (N , %), обладающего заданными значениями (α) названного потенциала. На рис. 1а показано одно из таких распределений, относящееся к городскому населению Юга России (679 респондентов – жителей Краснодарского края и Республики Адыгея). Как нетрудно видеть, это распределение (равно как и аналогичные распределения для городского и сельского населения других регионов) имеет типичную для подобных ситуаций асимметрично-колоколообразную форму, с явно выраженным максимумом и «хвостом», далеко простирающимся в область высоких значений потенциала.

Рис. 1б представляет то же распределение, но в «кумулятивной» форме, которая лучше характеризует *неравномерность* изучаемого распределения. Эта кривая, обычно именуемая *кривой Лоренца*, была построена следующим образом: по оси абсцисс отложена доля населения (*Population*), начиная с носителей самых высоких значений данного потенциала, а по оси ординат (*Potential*) – суммарная, или «накопленная», часть потенциала, отвечающая этой доле населения. Так, «верхушка» нашего распределения – 10 % самых развитых (в изучаемом отношении) жителей региона – имеют, в сумме, около 20 % всего «потенциального богатства», 20 % жителей – 32 %, 30 % жителей – 48 % и т. д.; разумеется, 100 % населения являются обладателями всех 100 % «потенциального богатства». Там же проведена биссектриса – прямая под углом 45° , которая соответствует ситуации абсолютно равномерного распределения – когда 10 % жителей являются обладателями 10 % «потенциального богатства», 20 % – обладателями 20 % его, 30 % – соответственно 30 % и т. д.

Площадь (показанная на рисунке 1б штриховкой) между этой биссектрисой и реальной кривой есть *мера неравномерности* изучаемого распределения, а отношение данной площади к площади прямоугольного треугольника, образуемого биссектрисой и осями координат, – имеет имя *коэффициента Джини* (см. [7, с. 417–420]). Для показанного распределения величина этого коэффициента составляет около 0,34. Это – свидетельство весьма существенной неравномерности, характеризующей население региона. Аналогичные оценки были выполнены для всех изучавшихся регионов.

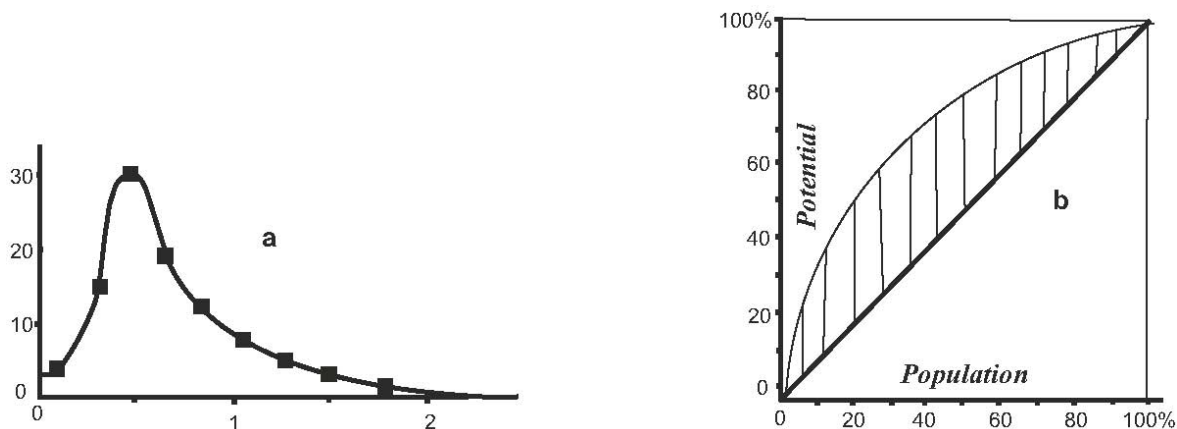

Рисунок 1. Распределение городского населения Юга России по значениям социально-нравственного потенциала по данным В. М. Петрова [6] в обычной форме (а), в «кумулятивной» форме (кривая Лоренца) (b).

По-видимому, желательно регулярно изучать население каждого региона (а также страны в целом) – с точки зрения неравномерности распределения духовного богатства, а также других характеристик духовной жизни. Такой «мониторинг» мог бы быть полезным для многих целей культурной политики, включая и предупреждение о возможных опасностях, подстерегающих социальную систему. А связь между обозначенной неравномерностью и такими характеристиками населения, как агрессивность, стремление к достижениям и др., должна стать одной из проблем современной культурологии. Именно в таком ключе проанализированы региональные варианты культурного развития европейских стран в исследованиях Л. Харрисона, где на широком историческом материале, включая современность, показано, что культура способна стимулировать радикальные перемены в социуме, приводя его к стагнации или даже к гибели всей системы. Хотя политика, в нашем случае культурная, способна ее спасти (подробнее см. [9]).

* * *

Обрисованными проблемами не исчерпываются задачи, стоящие перед культурной политикой и ее научной базой – культурологическими исследованиями. Но именно эти задачи, несомненно, следует рассматривать как мейнстримные для проблематики социокультурного развития российских регионов. Будучи логически дедуцированы в рамках программно-целевого подхода, задачи эти могли бы стать «центрами кристаллизации» для широкого поля конкретных эмпирических исследований: социологических, психологических и культурологических. Такие исследования могут служить эффективным инструментом научно обоснованной культурной политики, осуществляемой как на федеральном, так и на региональном уровне.

Литература

1. Китов Ю. В. Культурная политика: к проблеме межотраслевого взаимодействия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 4. – С. 52–58.
2. Лутовинов В. И., Радионов Е. Г. Современная молодежь: основные ценности, позиции, ориентиры // Вопросы педагогики. – 1998. – № 3. – С. 13–17.
3. Петров В. М. Ориентиры культурной политики: информационное общество // КАНТ: Социально-гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 8–17.
4. Петров В. М., Мажуль Л. А. Инструментарий государственной социальной и культурной политики – индексы личностных потенциалов // Проблемы информационной культуры: сб. науч. ст. – Краснодар, 1999. – Вып. 8. – С. 74–99.
5. Петров В. М., Яблонский А. И. Математика социального неравенства: гиперболические распределения в изучении социокультурных процессов. – М.: Либроком, 2013. – 64 с.
6. Петров В. М. Количественные методы в искусствознании: учеб. пособие. – М.: Академический проект, 2004. – 432 с.
7. Теория статистики / ред. Р. А. Шмойлова. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 560 с.
8. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие. – М.: Академический Проект, 2000. – 496 с.
9. Харрисон Л. Главная истина либерализма: как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. – М.: Новое издательство, 2008. – 279 с.
10. Художественная жизнь современного общества. Т. 2: Аудитория искусства в России: вчера и сегодня / отв. ред. Ю. У. Фохт-Бабушкин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 212 с.

Literatura

1. Kitov Ju. V. Kul'turnaja politika: k probleme mezhotraslevogo vzaimodejstvija // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2011. – № 4. – S. 52–58.
2. Lutovinov V. I., Radionov E. G. Sovremennaja molodezh': osnovnye cennosti, pozicii, orientiry // Voprosy pedagogiki. – 1998. – № 3. – S. 13–17.
3. Petrov V. M. Orientiry kul'turnoj politiki: informacionnoe obshhestvo // KANT: Social'no-gumanitarnye nauki. – 2013. – № 1. – S. 8–17.
4. Petrov V. M., Mazhul' L. A. Instrumentarij gosudarstvennoj social'noj i kul'turnoj politiki – indeksy lichnostnyh potencialov // Problemy informacionnoj kul'tury: sb. nauch. st. – Krasnodar, 1999. – Вып. 8. – S. 74–99.
5. Petrov V. M., Jablonskij A. I. Matematika social'nogo neravenstva: giperbolicheskie raspredelenija v izuchenii sociokul'turnyh processov. – М.: Librokom, 2013. – 64 s.
6. Petrov V.M. Kolichestvennye metody v iskusstvoznanii: ucheb. posobie. – М.: Akademicheskij projekt, 2004. – 432 s.
7. Teorija statistiki / red. R. A. Shmojlova. – М.: Finansy i statistika, 2001. – 560 s.
8. Flier A. Ja. Kul'turologija dlja kul'turologov: ucheb. posobie. – М.: Akademicheskij Proekt, 2000. – 496 s.
9. Harrison L. Glavnaja istina liberalizma: kak politika mozhet izmenit' kul'turu i spasti ee ot samoj sebja. – М.: Novoe izdatel'stvo, 2008. – 279 s.
10. Hudozhestvennaja zhizn' sovremennogo obshhestva. – Т. 2: Auditorija iskusstva v Rossii: vchera i segodnja / отв. ред. Ju. U. Fohht-Babushkin. – SPb.: Dmitrij Bulanin, 1997. – 212 s.